

Тупейный художник — эпизод 3 из 9

Граф был очень обрадован неожиданным вызовом девушки исполнить роль и, получив от режиссера удостоверение, что Люба роли не испортит, ответил: За порчу мне твоя спина ответит, а ей отнеси от меня камариновые серьги. Камариновые же серьги у них был подарок и лестный и противный. Это был первый знак особенной чести быть возведенною на краткий миг в одалиски владыки. За этим вскоре, а иногда и сейчас же, отдавалось приказание Аркадию убрать обреченную девушку после театра в невинном виде святою Цецилией, и во всем в белом, в венке и с лилией в руках символизированную innocence¹ доставляли на графскую половину.

Это, говорила няня, по твоему возрасту непонятно, но было это самое ужасное, особенно для меня, потому что я об Аркадии мечтала. Я и начала плакать. Серьги бросила на стол, а сама плачу и как вечером представлять буду, того уже и подумать не могу.

Невинность (франц.).

А в эти самые роковые часы другое тоже роковое и искустительное дело подкралось и к Аркадию.

Приехал представиться государю из своей деревни брат графа, который был еще собой хуже и давно в деревне жил и формы не надевал и не брился, потому что все лицо у него в буграх заросло. Тут же, при таком особенном случае, надо было примундириться и всего себя самого привести в порядок и в военное воображение, какое требовалось по форме.

А требовалось много.

Теперь этого и не понимают, как тогда было строго, говорила няня. Тогда во всем форменность наблюдалась и было положение для важных господ как в лицах, так и в причесании головы, а иному это ужасно не шло, и если его причесать по форме, с хохлом стоймя и с височками, то все лицо выйдет совершенно точно мужицкая балалайка без струн. Важные господа ужасно как этого боялись. В этом и много значило мастерство в бритье и в прическе, как на лице между бакенбард и усов дорожки пробрить, и как завитки положить, и как вычесать, от этого от самой от малости в лице выходила совсем другая фантазия. Штатским господам, по словам няни, легче было, потому что на них внимательного призрения не обращали от них только требовался вид посмирнее, а от военных больше требовалось чтобы перед старшим воображалась смирность, а на всех прочих отвага безмерная

хорохорилась.

Это-то вот и умел придавать некрасивому и ничтожному лицу графа своим удивительным искусством Аркадий.

Деревенский же брат графа был еще некрасивее городского и вдобавок в деревне совсем заволохател и напустил в лицо такую грубость, что даже сам это чувствовал, а убирать его было некому, потому что он ко всему очень скуп был и своего парикмахера в Москву по оброку отпустил, да и лицо у этого второго графа было все в больших буграх, так что его брить нельзя, чтобы всего не изрезать.

Приезжает он в Орел, позвал к себе городских цирюльников и говорит: Кто из вас может сделать меня наподобие брата моего графа Каменского, тому я два золотых даю, а на того, кто обрежет, вот два пистоleta на стол кладу. Хорошо сделаешь бери золото и уходи, а если обрежешь один прыщик или на волосок бакенбарды не так проведешь, то сейчас убью.

А все это пугал, потому что пистолеты были с пустым выстрелом.

В Орле тогда городских цирюльников мало было, да и те больше по баням только с тазиками ходили рожки да пиявки ставить, а ни вкуса, ни фантазии не имели. Они сами это понимали и все отказались преображать Каменского. Бог с тобою, думают, и с твоим золотом.

Мы, говорят, этого не можем, что вам угодно, потому что мы за такую особу и притронуться недостойны, да у нас и бритов таких нет, потому что у нас бритвы простые, русские, а на ваше лицо нужно бритвы аглицкие. Это один графский Аркадий может.